

Юрий ГУДУМАК

Юрий Гудумак родился в молдавском селе Яблони в 1964 году. Окончил геолого-географический факультет Одесского университета, работал в Институте экологии и географии Академии наук Молдавии. Автор восьми поэтических книг. Лауреат премии Союза писателей Молдовы (2012). Стихи публиковались в изданиях «Новое литературное обозрение», TextOnly, «Воздух», «Цирк “Олимп” + TV», «L5», «Флаги», «Волга», «Новая Юность», «Новый Берег», «Literrатура», «Артикуляция», и мн. др., переводились на английский и румынский языки.

МЕРЦАТЕЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ИЛИСТОГО ВОДОЕМА КАМБОЛИ

Мерцательная топография илистого водоема Камболи

От крайнего западного, плоскобережного конца
илистого водоема Камболи противоположная его оконечность
отличается широтным простираем
с тенденцией отклоняться на северо-восток.

В этой, образующей озеровидное расширение, части
илистый водоем Камболи приобретает
еще более выраженный лагунный характер,
а береговая линия,
меняясь на протяжении года
в зависимости от подъема или спада воды,
становится, по-видимому, еще более неопределенной –

пока вся осциллирующая мерцательная топография,
в нескончаемом разнообразии очертаний и контуров
и пространственной диффузии понятий,
сопровождаемой крушением их границ,
не бывает преодолена
знойным маревом августа: чем-нибудь вроде бреда,
в который впадают сжигаемые жаром сильнейшей лихорадки
и подобно тому, как амфибии или рыбы
впадают в род спячки, зарываясь в глубокий ил,
а растения либо теряют листву, либо впадают
в продолжительную летаргию колючелистных.

Если верно, что любая
составляющая принадлежность одиночества местность
есть лишь модификация другой местности,
то верно также и то,
что из местности в местность один человек, порождая другого
и не переставая быть склонным к одиночеству,
сочетает в себе величайших Других,
оставаясь собой:

будь то лилово-розовые
обрамления Стугарии* (*иней),

высокое плоскоместье Кирпицы* (*ветер), наветренный
склон Дождливой* (*дождь)... – но с этим покончено,
...солончаковая пыль водоема Камболи*
(*солнечное гало).

В этой части
в жарчайшую пору года
Камболи выглядит как затянутая илом лагуна,
заросшая чахлыми, низкорослыми кустиками травы, –
оставляющая у нас впечатление
плоской и некрасивой местности
и способствующая, кажется, только действию
горизонтальной рефракции, производящему род миража.
В масштабе ста сажен в английском дюйме оно дает:
смещение климатических зон, взаимоналожение
ботанических областей и перекрещивание
зоологических провинций –

походящие на солончаковые астры
изображения звезд на небесных глобусах...
в перламутровой бездне сумерек, в которых они обрастают
известковым панцирем иглокожих.

Контурно обозначить это

Это до сих пор
лучшая форма чистого разворачивания протяженности,
чаще связанного с весенней порой –
временем рождения цикад
и обновления растительности,
от которого до нас дошли лучезарная неподвижность
и застывшая угрюмость хорошей погоды,
помещающие нас туда, где мы есть,
и торжественно исключают из общества,
совершая над нами погребальные обряды.

Палящий зной, лучезарная неподвижность,
застывшая угрюмость хорошей погоды:
что холод зимой, что ветра и дожди весной,
они делают это лучше,
чем тысячеверстное свехобилие неба,
чем присущий миру феномен расстояния,
и лишь немногим из нас дают время состариться, превращая
в этнографическую окаменелость.

О таких говорят:

вот человек, высохший
подобно илистому водоему Камболи,
напоминающему по форме полуувядший трилистник,
большая ось которого тянется с востока на запад

на четверть... на две... на три четверти мили,
когда ручей, напоив, сжеживает его и трилистник, усыхая,
кажется вдруг желтеющим и его изменившийся цвет
легко принять за осеннюю окраску;

человек твердый и непреклонный,
как безлиственные, прирастающие на кубик,
сростки соли на мертвом пучке полыни;

как один человек с уединенностью этих мест, каковой,
не претерпевая, так сказать, изменения местоположения,
скорее выгадает, чем потеряет, выкристаллизовываясь,
как есть, в солончаковый мираж –

двоящее зеркало водоема Камболи
из горизонтально напластованной
и иногда окрашенной в пепельно-голубой /
серовато-лазурный цвет спекшейся глины,
в порах которой отложилась кристаллами соль –
сухой мелкий иглистый иней
другого времени года.

Для этого я
закрываю глаза, затыкаю уши,
прикусываю язык, падаю навзничь, лишаясь чувств.
Остатками чувств, обращающих меня в периферию себя,
я опрокинут в горизонт.
Не то чтобы горизонт обеспечивает
уход пространства за пределы чувственных данных,
но призван контурно обозначить это.

К отрицающей весь спектр белизне: инкрустации

По свойству соли впитывать в себя влажность
солончак, в сухую погоду привычно белый,
перед дождем сыреет и оттого темнеет.
Но то, что именуется его темнотой,
в действительности есть только преломление
и сообразно тому, как распределяются дождь и ведро,
образует белый / пепельно-голубой / серовато-лазурный цвет
посредством всевозможных мелких внутренних зеркал.
Ничто не препятствует до сих пор тому,
чтобы, заранее узнавая
о будущем состоянии погоды – по ломоте ли, колотью,
найти солончак состоящим из слез.

Вытянутые
узкими полосами и пятнами
соляные инкрустации –
не что иное, как древняя речная терраса
текущего сейчас в гораздо более низких берегах

небольшого ключика.

Русло ключика пересохло,
и потому само вполне можно назвать солончаковым.
Изогнувшись немного к востоку, оно поворачивает на юг
и делает вид, что впадает в Камболи,
похожий в этой части и в эту пору
на днище высохшей лужи –
растрескавшийся на многоугольники
или истоптанный и вытравленный скотом
спекшийся ил.

Прирастающие на кубик
сростки соли
в кристаллических выцветках галофитов;
в отпечатках капель дождя на поверхности пылеватых текстур,
подпираемых пестроокрашенной толщей
рассланцованных горизонтов;
в суффозионных просадочных формах,
имеющих характер глинистого псевдокарста
и обнажающих костеносные отложения древних кладбищ.

...В отпрепарированных выветриванием ребрах предков
с пористой птичьей костью поэтов – «существ
крылатых» старых гетских легенд,
спрятанных под мифами
римского слоя населения.

К отрицающей весь спектр белизне,
бывает, приходишь раньше,
чем по мановению бога зимы:
близкое к ящерке водное не-растение, струимое
не столько падением местности, сколько зноем,
превращается в сухопутное не-животное,
бегущее лихорадки, трясы,
как ручей, впадающий в солончак.

Мертвый хватает живого

Различным состояниям
нашего организма, от чего бы они ни зависели –
от состава крови, от особенностей нервной системы,
от особенного соотношения нервной системы
с другими системами организма,
соответствует постоянный причинный фон,
исходя из которого не то чтобы мертвый хватал живого,
но благодаря которому глубоко укоренившееся прошлое
пережило в нас само себя.

Что ареал рассеяния
обуюдоострой секиры или оперенной стрелы,

что ареал распространения сохи или плуга,
что область бытования обычаев
сплющивания черепов или счета десятками,
мы находим здесь сколь угодно много чересполосных владений,
в которых невозможно разобраться.

Первая аппроксимация –
увещевания / слёзы живописных красот
холодного времени года.

И мы говорим
о нашей типичной для здешней розы ветров
спазматической конституции, о мышечном ревматизме,
о нашей сезонной предрасположенности к поэтическому восторгу,
о ее оборотной стороне, наследственной, сдобренной
изрядной долей северной меланхолии,
и стараемся не расплескать ту же жидкость,
покрывающую глаза.

Транспонированный
в терминах картографического кода тип иммунной системы
мог бы выглядеть так: как солнцелотатель-гыртоп
с тремя денудационными языками,
обращенными на восток...
Или, ближе к осени, –
как илистый водоем Камболи –
вариант того же понятия, очертания которого,
как границы понятия, меняются в зависимости от успеха
в сражениях со множеством жизней:

не иначе,
если не так, выкристаллизовываясь,
ближе к осени, мертвой, рассыпающейся в прах,
полувыветрившейся коркой солончака,
далеко вдающейся в озеро,
образуя тупой мыс.

Наше определение лилии медицины

Наше определение
лилии медицины как розы ветров
лишь иначе обозначает формальное структурирование,
изоморфное картографическому дискурсу.

Иное расчленение материала
и, соответственно, иное его освещение.
Как это делается рельефом и солнцем.

Оно-то и представляет собой
некоторый местный фактор,
до известной степени

нейтрализующий действие вредных стихий,
особенно буйствующих на стыке сезонов при переходе к лету –
изменяясь, непрерывно перемещаясь и, так сказать,
перекрещиваясь под влиянием атмосферных токов,
течений, флюидов и метеоров.

Десяток симптомов,
принадлежащих нескольким болезням сразу.
И лишь из их сочетания получается специфический*
(*штриховка / крапчатый / страусиные лапки)
маркер смены времен года:
нежеланное, правда,
но зато верное предостережение
о приближающихся опасностях, которые угрожают здоровью:
модальность времени, чтобы ослабить тех,
кого не в состоянии было убить.

Если бы не антисептик-свет
в кварцевых блестках сахарского радужника-песка
и причудливая роза ветров, когда она инвертирует себя
в ее восточную половину, болезненно неотделимую – да? –
от нашего тела.

И мы говорим:
что не закончил ледящий ветер,
то довершит иссушающая жара.

Экватор летнего солнцестояния

«Я» – не литературный прием,
хотя смерть – пустая грамматическая категория.
Означает то же, что возвещает:
практику
погребения нас в несколько этапов –
тот, на котором мы все еще продолжаем говорить.

Одержимость данным типом бреда,
плюс, разумеется,
склад ума, порождаемый держащей нас
мертвой хваткой конфигурацией местностей,
можно вычислить как ее функцию –
держущей нас мертвой хваткой конфигурации местностей,
способствующей обретению телесных координат,
которое тут же
заканчивается их крушением:

от горячек простудных и катаральных
к горячкам гастрическим и чумным
она указывает на незначительно изменяющийся
в заведомо правильном соответствии с переменной времен года
коэффициент реальности по отношению

к остальному миру.

Это как непрерывный ряд
социальных литературоцентричных смертей,
мало идущих в счет, если дело касается какого-то там числа
пульсаций молекулы, колеблющейся с частотой,
необходимой для желтого цвета натрия
и распада «Я» до его органического основания
как скалярной надстройки – до просто векторной формы,
обнаруживающей – да? –
повадки неживой материи.

Пол-облачка перламутровых испарений
пересекло экватор летнего солнцестояния и не воспламенилось.
Но – действуя на тело, как вода – на негашеную известь:
развивая тепло / вызывая жар.

Полуувядший трилистник илистого водоема Камболи: инвертированная роза ветров

Дело, кажется, ясно,
но не беспрекословно.
Наукообразная векторная
диаграмма розы ветров, длины лучей которой,
расходящихся от центра в разных направлениях,
пропорциональны повторяемости ветров этих направлений,
фактически повторяет старый селитебный контур.
Но теперь он из ромбовидного переписывается
в форму неправильного многоугольного трапецоида,
продольная ось которого тянется в пустыню,
не имеющую названия.

От весенних бурь периода равноденствия –
к шестому дню летнего солнцестояния, ко второму –
вступления в пояс безветрия.
И геометрические свойства ее,
центрифольной* (*столепестной),
инвертируются в полуувядший трилистник.

То ли это иссера-голубая дымка – дым выгорающей травы,
то ли зеркальный слой струящихся испарений,
в котором отражается небо.

Иногда же двусложная графическая система,
безымянная и без точной даты,
напоминает фрагмент карты,
дублирующей очертания
уже упомянутой местности, –
тогда обманчивое зрелище
серебристо-матовой глади озера позволяет предположить,
что на холмах и по берегам водоема Камболи

обитало более постоянное население,
нежели я* (*или ты).

Весь этот
сплошной массив освоенной территории,
созданный глиномесами саманных краев,
землепашцами древних паров и прогалин,
пастухами многоблеющих козлиц, составляет ткань
относительно прерывисто населенной Яблони:
на каждом из ее трех холмов – по кладбищу.
Что еще и позволяет говорить в каком-то смысле
о трех Яблонах.

Такое их расселение,
никакое другое и к западу от Камболи,
восточный, противоположный берег которого круто,
несколькими ступенями, поднимается в наветренный склон
громадного кругловерхого холма,
в виду которого мы все время находимся*
(*и из которого-де хоть и нельзя извлечь
стройной системы генеалогических связей,
зато четких географических координат – вполне),
такое их расселение должно обеспечить –
не численно, так логически –
обусловленность, в некотором смысле, того,
что обозначают понятием, или идеей,
местного, что ли, родства, те же связи с предками
или даже свойственные им деяния и переживания,
блуждания и болезни.

Наветренный склон
громадного кругловерхого холма,
в виду которого мы все время находимся, –
по новейшей топонимике, все еще та Дождливая,
которую делает видимой дождь.

Предполагая это, –
насколько же более это так, –
мы будем находиться ближе к истине,
чем объясняя дело иначе:

мы уже знаем,
что, когда ручей, напоив, ссезживает его,
трилистник, усыхая, кажется вдруг желтеющим
и его изменившийся цвет
легко принять за осеннюю окраску.

У солнцегляда уже сейчас едкий сок меланхолии,
у горькой полыни – присущий ей цвет: седой.

У солнцегляда уже сейчас едкий сок меланхолии

У солнцегляда
уже сейчас едкий сок меланхолии,
и от раздражающей едкости этой жидкости
проистекают его бессонницы.
Один сплошной фотопериод летнего солнцестояния
без какой бы то ни было реальной периодизации
или хотя бы аллюзии на смену дня и ночи
и перепады освещения.

Скорость света, изменяясь
в направлении бесконечно возрастающей
медленности продолжительностью в шесть недель,
превращает данные зрения в данные осязания.
Хорошо известные, присущие солнцегляду, свойства гелиотропа –
в свойства вроде гравитропных или даже тигмо-
И жизнь* (*а не только холод, голод или болезнь)
принимается за материальный объект,
который может отделяться от тела, точно так же,
как блеск солнца принимается за материальный объект,
который солнце может возложить на себя
или отбросить.

Простейший опыт.
И он учит нас, что у перцепции нет объекта.
Что всякая перцепция, следовательно, галлюцинаторна.
Но – как тело, модифицирующее наше тело:
но – как первое, которое только видимость
и абстрактный эффект второго:
и смещает центр референции

в сторону огневицы,
иссушающей жилы и корчащей члены;

в местность-морок бритых бровей,
паленых ресниц, глубоко посаженных глаз;

к договорам, скрепленным кровью,
между телом и [чисто]телом, с трансфузией красного
в оранжево-желтое – осеннюю новую горечь,
выпариваемую солнцем из трав.

Критическая точка события: тысячелистник холмовой

Что тут еще сказать,
кроме того, что листья растения, едва распутившись,
заворачиваются от действия палящих солнечных лучей,
как заворачиваются листы писчей бумаги,
брошенные на горячие уголья?

Только то,

что в обоих случаях конвергентная серия искривлений
зависит от движения испаряющихся частиц влаги,
иные из которых нагреваются так,
что приобретают движение,
какое присуще огню;

что растение пересекает
экватор летнего солнцестояния и, подобно предмету,
перенесенному из одной точки в другую, где температура иная,
приходит в состояние теплового равновесия
с новой средой:

порождает в себе температуру горения,
доводит до этой температуры*
(*критической точки события) ближайшие тела,
вовлекает их в процесс, ассимилирует их,
растет, ширится и распространяется.

Стебель тысячелистника –
как продолжение дымчатых струек;
геометрические свойства его душистой молекулы –
как фармацевтическая атака тысячелистникова
мелко вырезанного листа.

То, что в знойном мареве августа свет солнца
заменяется желтым светом пламени натрия,
следует допустить уже в силу
общих соображений вероятности:

зеленый цвет растения переходит в бурый,
а отклонение от среднего между изменившим цвет
растительным телом и опаленным огнем животным,
между зеленым хлорофиллом и красным гемоглобином,
минимально или даже – насколько же более это так –
для каждой точки равно нулю.